

ЕЛЕНА ЛЬВОВНА БЕРЕЗОВИЧ

доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор кафедры русского языка, общего языкоzнания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Российская Федерация)
berezovich@yandex.ru

ИЗ СЕВЕРНОРУССКОЙ ЛЕКСИКИ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА: ЭТИМОЛОГО-ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ*

Рассматривается лексика севернорусского свадебного обряда, записанная участниками топонимической экспедиции Уральского университета на территории Вологодской и Костромской областей: это название одного из свадебных застолий (а в переносных значениях – посиделок с застольем в рамках других семейных обрядов) – костр. *тозьмины*, а также обозначения незваных гостей, появлявшихся на свадебном пиршестве своевольно, без приглашения хозяев, – влг. *чикали*, влг. *сороκачи*, влг., костр. *сычи*, костр. *сухонцы*, костр. *гальки*, костр. *галчата*. Перечисленные слова погружены в статье в широкий контекст собственно свадебной диалектной лексики, лексики народных празднеств и гощения, а также невербальных составляющих традиционной свадьбы и культуры гостевания. С опорой на эти данные, с учетом лингвогеографических и фонетических характеристик автор предлагает для «темных» слов этимологические трактовки или же корректирует решения, ранее предлагавшиеся в литературе. Представленный лингвистический комментарий углубляет чтение «текста» всего свадебного обряда: благодаря прояснению внутренней формы анализируемых слов восстанавливаются первоначальные ролевые рамки, в которых позволялось вести себя незваным, но все же ожидаемым гостям; реконструируются связи отдельных севернорусских лексем с подробно разработанными в славянской народной культуре символическими кодами свадьбы.

Ключевые слова: севернорусские говоры, свадебный обряд, лексика свадьбы, семантическая реконструкция, этимология, этнолингвистика

«Свадьба – дак вся деревня гуляет: кто в сычах, кто в позвү» (Костромская обл., Вохомский р-н, с. Тихон [7]) – в этом контексте говорится о двух категориях гостей на свадьбе: званых (тех, кто в *позвү*) и незваных (*сычах*). Тем самым обоснована связь (на первый взгляд неявная) между различными словами, которые будут рассматриваться ниже. С одной стороны, речь будет идти о наименовании одного из пиршеств (костр. *тозьмины*), которое включено в обязательный сценарий свадьбы и оказывается в конечном счете «званым»; с другой стороны, об именах незваных, «непочетных» гостей – влг. *чикали*, влг. *сороκачи*, влг., костр. *сычи*, костр. *сухонцы* и др. Все анализируемые слова объединены тем, что они записаны сотрудниками топонимической экспедиции Уральского университета (ТЭ УрФУ) на территории Вологодской и Костромской областей (преимущественно в восточных частях обеих). Некоторые из этих лексем не фиксировались ранее в лексикографических источниках, другие отмечались, а иногда даже комментировались в этимологической литературе, но наши записи помогают дать более подробный этнолингвистический комментарий к словам и скорректировать существующие версии их происхождения (или же предложить новые).

ТОЗЬМИНЫ

Это слово отмечено сотрудниками ТЭ на востоке Костромской области (в Октябрьском

и Шарьинском районах) в ряде близких друг другу значений, отсылающих к застольям и посиделкам в рамках различных семейных обрядов (преимущественно свадебного), а также этапам этих обрядов, во время которых застолье играет ключевую роль. Наши фиксации (впервые здесь публикуемые) являются наиболее подробными и существенно дополняют более ранние опубликованные данные об этом слове (и близких ему формах). Они были засвидетельствованы в Чухломском районе Костромской области, а также в соседней Кировской области (Вятской губернии), при этом вятские фиксации сделаны как в конце XX – начале XXI века, так и в XIX веке.

Представим значения слова.

Свадебный обряд: костр. шар. *тозьмины* ‘посиделки с застольем невесты с подругами перед свадьбой’: «Тозьмины были. Перед свадьбой к невесте приходили подруги, 3–4 придут к ней домой» (Серково), «Незадолго перед свадьбой собираются у невесты на тозьмины» (Плосково); ‘просватание’: «Свататься едут – это на тозьмины, значит» (Бухалкино); ‘гулянья в доме невесты после свадьбы (вечером, на второй день или на протяжении трех дней)’:

На второй день в доме невесты гуляли, тозьмины были (Майтиха). После свадьбы едут к невесте на тозьмины. К невесте гулять. Это как свадьбу отгуляют, гости разъедутся, и близкие вечер гуляют у невесты

(Сергеево), Первый день сварбы у жониха, а второй – тозьмины, к невесте поедут (Сергеево), День, два, три после свадьбы гуляют – тозьмины (Столбецкое);

‘застолье после свадьбы (в какой день?)’: Тозьмины – какая-та гулянка после свадьбы (Плосково).

Интересно, что один из информантов понимает слово как многозначное, обозначающее различные этапы свадебного обряда: смотр дома невесты родителями жениха и дома жениха родителями невесты; заключительный этап сватовства, обсуждение деталей праздника; второй день свадьбы, когда молодые едут с родителями невесты; ответные визиты молодых к каждому из приглашенных на свадьбу:

Тозьмины бывают вот смотры. Жениха родители смотрят дом невесты, а невесты родители смотрят дом жениха. Тозьмины это когда сватовство. Вот, например, пропой прошёл, это тозьмины прошли. А на второй день едут к невесте – это уже называются тозьмины. А потом, когда каждый гость приглашает молодых, а они ездят по всем, это тоже тозьмины (Медведица).

Близкие формы и значения отмечены в словаре Н. С. Ганцовской: костр. чухл. *тозьмина*, *тозьмины* ‘неделя, когда молодожены ездят в гости к родителям’: «В тозьмину мы всех родных объездить успели» (Ножкино) [2: 382]. Интересующее нас слово отмечено и в неспециализированном лингвистическом источнике – в сборнике «Чухломской фольклор» [22]. Дефиниции, к сожалению, отсутствуют, но в двух текстах, где оно фигурирует, речь идет о свадебном обряде:

Через несколько дней после свадьбы ездили к родителям на тозьмины, там две ночи ночевали. Всё разное угощенье готовили, блины [22: 158, № 181]. Потом к невесте едут на тозьмины. В пятницу, положим, свадьба, в субботу – у жениха пируют и ночуют у жениха, а в воскресенье едут на тозьмины. Родители невесты закуску всякую готовят: холодец, мясо, яищицу [22: 158, № 182].

Таким образом, *тозьмины* здесь – *‘застолье в доме родителей молодых (или одного из молодых) через несколько дней после свадьбы’.

Наконец, «свадебное» значение отмечено и у вятских вариантов изучаемой лексемы: вят. шабал., даров. *тозьмины*, котельнич. *тозьмины*, котельнич. *тёзвини* ‘праздник у невесты после свадьбы’: «Вскоре после свадьбы сделали тозьмины, издили к тестю, тоже шибко пировали» [10: 11: 49].

Родильный обряд: костр. шар. *тозьмины* ‘праздник по случаю рождения ребенка’: «Женщина родит, муж собирает вечеринку – вот тозьмины. Окрестят ребёнка, вот собирают тозьмины» (Печенкино), «Как ребёночка привезут, отмечают тозьмины. Все идут, подарки дарят» (Берзиха); ‘именины или крестины ребенка’: «Тозьмины – а это называется раньше

как именины, или ребёнка крестят да чего-то – тозьмины» (Шубиха).

П о х о р о н н ы й о б р я д: костр. шар. *тозьмины* ‘поминки’: «Вроде говорили: “У их сегодня тозьмины по кому-то”. Это, наверное, поминки» (Троицкое).

Л ю б о е п р а з д н о в а н и е с з а с т о л ь е м (как правило, домашнее): костр. окт., шар. *тозьмина*, *тозьмины* ‘празднование чего-л. с обязательным застольем, вечеринка (по любому поводу)’:

Тозьмину тот устроит, другой. Ты ходила к ёму на тозьмину? (Окт, Клюкино), Тозьмины – это событие. – Куда пошёл? – На тозьмины. На тозьмины пошла. Это про родственные связи какие-то (Шар, Троицкое), Тозьмина у них. Тозьмина была в Троицин день. На тозьмины свои больше ходили, а когда и чужие придут (Окт, Клюкино), Нынче тозьмина, скажут, у Подсухиных, ну, дают копоти! Плясня такая, угощенье. На тозьмину ходила: упляшутся, напоятся. В новый год или у кого гости, по разным праздникам (Окт, Даровая), Тозьмину тот устроил, другой. Веселье такоё, штё ты! Застолье собирают. На тозьмину, скажут, ходила, а нынче штё? Ни стать, ни сплясать, ни под окошком насрать (Окт, Богоявленово), Тозьмина-то – пели, гуляли, веселились. Тозьмины по домам, колхозный праздник редко тозьминой назовут (Шар, Конево), Ой, у Большаковых тозьмина. Гости приедут. Пляшут, гуляют, играют, все в сбое (Шар, Конево).

К этой смысловой группе примыкают слова в любопытных фонетических и словообразовательных вариациях, записанные в XIX веке: вят. слобод. *тозимы* ‘приглашение молодых пар друг к другу в гости’ (1881) [19: 44: 173], вят. *тёзвини* ‘приглашение гостем к себе хозяина и самое посещение это’ [3: 2: 718], [3: 4: 395]. Форма *тёзвини* повторяется в [10: 11: 23], но современными записями она не подтверждена, есть только ссылка на СРНГ [19: 43: 337], который, в свою очередь, ссылается на Даля.

Наконец, изучаемое слово единожды отмечается в значении, выходящем за пределы «обрядово-гостевой» сферы, но имеющем ясную связь с ней: костр. окт., шар. *тозьмина* ‘с ум а то х а’: «Бардак не бардак, а тозьмина» (Шар, Конево).

Из всех вариантов обсуждаемого слова **этимологической интерпретации** подвергалась, кажется, только форма *тёзвини*. Рассматривая вят. *тёзвини* ‘ответное приглашение хозяину со стороны приглашенного’, М. Фасмер производит его от цслав. **τέξει* *ἐπώνυμος* (ср. *тёза*, *тёзка*) и звать [21: 4: 36]. Это решение, возможно, в каком-то смысле подсказано тем, что сам В. И. Даляр (единственный лексикограф, зафиксировавший данную форму) помещает *тёзвини* в словарную статью с заглавным словом *тёза* ‘согласенник, одноименник’ [3: 4: 395]. Семантических аргументов М. Фасмер не приводит; нет указаний на смысловые переходы и в словарной статье Даля. По логике этого этимологического решения, *тёзвини* – *‘праздник, куда зовут

тезок'. Но в значениях слов *тозьмины*, *тозимы* и пр. нет указания именно на тезок. Можно предположить, что *тезка* (*теза*) выступает в каком-то другом значении, но такие «иные» значения не фиксируются, кроме казан. *тёзка* ‘друг, приятель’ [19: 43: 338]. Значит, *тезвины* – это, возможно, первоначально *‘приятельская вечеринка’. Но смущает, что казанское слово зафиксировано единично (в 1853 году) и на другой территории, чем *тезвины*, *тозьмины* и т. п. Можно допустить и другую «зацепку»: *тезвины* первоначально – *‘именины’, ср. *тезоименитство* ‘именины, день ангела’ [3: 4: 395]. Но почему тогда это значение не фиксируется – и почему нет формы **тезины*? Главное же препятствие на пути признания «тезоименной» версии – корневой вокализм: неясно, почему широкое распространение получила именно форма с *о* (*тозьмины*), в то время как форма с *е*, должна быть исходной, зафиксирована однократно.

Все изложенные сомнения побуждают нас искать другое этимологическое решение. Логично отталкиваться от самого наполненного смыслового блока – «свадебного». В нем, в свою очередь, наибольшее распространение имеют значения, связанные с посещением молодыми родителей (обычно невесты) после свадьбы. Это действительно очень важный компонент обряда, представления о котором имеют разное лексическое воплощение, ср., к примеру, перм. *возить сковородники* (*на рынок*), чуман *возить* ‘посещать родителей невесты после свадьбы’ [12: 34], ленингр. *первогостьшице*, твер. *почесть*, урал. *поклон*, арх. *полюбовная гостьба*, арх., влг., новг., костр. и др. *хлебины* (*хлебины*, *хлебяны*, *хлебяна*, *хлибяна*) и т. п. ‘поочередные угощения участников свадьбы то у молодых в доме жениха, то в доме родителей невесты’ [29: 535]. Среди слов, обозначающих такие посещения, важную роль играют те, которые подчеркивают «ответность», поочередность визитов. Обычай поочередного гостя можно рассматривать как факт обменных отношений между гостем и хозяином [32: 447], об этом см. также [31: 188]. Соответствующие слова имеют показательные приставки *пере-* и *от-*: вят. *перепивки*, костр. *перепой*, вят. *перепойка*, влг., моск., смол. *перегостки*, влг. *одгозьбы*, *отгозбины*, новг. *отводыни*, кур., влад. *отводный стол*, нижегор. *отгарныши*, пенз. *отпирка*, арх. *отворотный стол* и т. п., ср. также в других славянских языках – бел. *брест*. *перезва*, *пэрэзув*, укр. *ровен*. *перезва*, макед. *отбратки* [29: 535].

Для нас особенно интересны слова, образованные от *звать*. Лексику с корнем **zov-/*zъv-* можно считать базовой для обозначения такого ритуально-этикетного действия, как приглашение; это действие предваряет обряды жизненного цикла, семейные торжества и т. п. или является их важной частью [35: 265]. При этом приглашение – значимая часть народного этикета, регулирующая взаимоотношения между родными, друзьями и соседями: «Зов великое дело»,

«Зову почет отдавай» [35: 266]. Производные от *звать* могут выступать с приставкой *от-*: костр. *отзыва́ть* ‘приглашать, звать куда-либо’: «Я отозван сегодня в гости», пск., твер. *отзы́вка* ‘приглашение кого-либо куда-либо’ [19: 24: 189]. Вот свадебная лексика с этой приставкой: *отзы́вины* яросл. ‘первое после свадьбы угощение молодых в доме родителей молодой’, без указ. м. ‘ответное посещение’ [19: 189], без указ. м. *ото́звы* ‘угощение у родителей новобрачной на следующий день после свадьбы’ [19: 253], *ото́звины* яросл. ‘посещение молодыми родителей новобрачной на следующий день после свадьбы’ [19: 253], костр. ‘то же’ [7]. Ср. также близкие значения, связанные с другими компонентами свадебного обряда: сарат. *ото́звинки* ‘последнее свадебное застолье’: «Ходили в ото́звинки всей родней гуляли всю ночь до утра. Ото́звинки – сваръбе конец» [19: 24: 253], вят. *отзы́вные пельмени* ‘последнее кушенье в так называемых *похмельных* (на 2 день свадьбы)’, сарат., ульян. *отзы́вный пир* ‘последний, завершающий свадьбу пир у молодых’ [19: 189–190].

Замечательно, что у слова *ото́звины* есть фонетические варианты с меной *в ~ м*: влг. *грязь*. *ото́змины* ‘посещение молодыми родителями новобрачной на следующий день после свадьбы’ [19: 189–190], костр. солигалич. *ото́зьмины* ‘второй день свадьбы: угощение тещи для зятя’: «На ото́зьминах, говорят, у тещи, угощала она его там, чем не знаю, крепко выпивали», «А после свадьбы и ото́зьмины были, зять к теще на блины ехал» [7]. Чередование *в ~ м* известно русским говорам, ср., к примеру, сев.-двин. *мұ́ззелень* ‘темно-зеленый цвет’ – влг. *вү́зелень* ‘зеленый, еще не созревший’ [8: 2011].

Надо добавить, что *ото́зьмины* фиксируются в районах, смежных с теми, где засвидетельствованы *тозьмины*: Грязовецкий район Вологодской области граничит с Чухломским районом Костромской, а тот, в свою очередь, с Солигаличским.

Можно заключить, что слово *тозьмины* возникло из формы *ото́зьмины* и является результатом упрощения приставки на *о*, ср. примеры аналогичных фонетических процессов: диал. шир. распр. *отымалка* ‘тряпка для хозяйственных нужд’ > смол., морд. *тымалка* ‘то же’, *образина* > самар. *бразина* ‘бран. лицо’, перм. *обру́ченье* ‘вечер накануне свадьбы в доме невесты’ > перм. *брю́чень* ‘сватовство’ и др. [8: 56, 58, 296]. Эта версия состоятельна в семантическом, фонетическом и лингвогеографическом аспектах. Что касается формы *тезвины*, то о причинах появления *е* сказать трудно (тем более фиксация единична): это либо результат деэтимологизации, либо следствие притяжения к словам типа *теза*, *тезка*.

ЧИКАЛИ, СЫЧИ, СУХОНЦЫ И ДРУГИЕ НЕЗВАНЫЕ ГОСТИ

Если в предыдущем разделе статьи говорилось о тех свадебных действиях, куда гостей приглашали, *звали*, то в данном разделе речь пойдет

о незваных гостях на свадьбе. В разных славянских традициях подчеркивается неуместность прихода без приглашения:

рус. Незваны гости гложут и кости, укр. Гість не проханий, не дуже буває тучений, болг. Не съм те канил с шарена бъклица <Я тебя не приглашал с пестрой флягой для вина>, словац. *Nevoláný host' má miesto za dvermi* <У незваного гостя место за дверьми> и др. [35: 266].

Парадокс в том, что, несмотря на свою «ненетиетность», незваные гости составляли «законную» и особо выделенную группу участников свадебного обряда. Это

посторонние односельчане, соседи, случайные посетители и прохожие, не приглашенные на свадьбу, выступающие в обряде преимущественно в роли реципиентов. <...> Как зрители посторонние наблюдают и оценивают происходящее и следят за соблюдением обрядовых правил, получают угощение, им показывают невесту, демонстрируют приданое, поют песни. Они также активно вмешиваются в ход обряда, действуя не индивидуально, а объединенной половозрастной группой [29: 198].

Незваные свадебные гости получают многочисленные наименования, обзор которых (на славянском материале) приведен в исследовании А. В. Гуры [29: 199–201]. Так, есть наименования, в которых отражена «чужесть» таких гостей (укр. луган. *чужі люди*, словац. *cudzár*, словин. *cudzy*, рус. влг. *сторона*, бел. брест. *посторонніјі* и др.), занимаемое ими место в доме или вне его во время свадьбы (словен. долен. *voglarji* – в углу; рус. вят. *кутяны*, влг. *закутяна* – в кути, т. е. углу за печкой; словен. ю.-ширийск. *zarečkarji* – за печью; кашуб. *oknevi* – под окном; арх. *подпорожные гости*, укр. харьков., волын., житомир., подол. *запорожці*, польск. *progowi* – под (за) порогом или у него; смол. *дворники* – во дворе у ворот; калуж. *околичники* – у околицы деревни и т. п.), праздное «смотрение» (рус. перм. *смотрельщики, глядены*, перм., башкир. *пучеглазники*, арх. *позоряне*, укр. луган. *глядачі, зівахи*, серб. ресав. *гледачи* и др.), их дармоедство и по-прошайничество (например, рус. вят. *захребетники*, словен. горен. *zaplečniki* – «заплечники» ‘приживальщики, паразиты’, польск. люблин. *kościelniki*, ср. *dziad kościelny, baba kościołna* ‘нищие на паперти’) и др. Некоторые другие русские диалектные наименования незваных гостей (не только на свадьбе) приведены в [31: 169–170].

Что касается **нашего полевого материала** (собранного в центральных и восточных районах Вологодской и Костромской областей), то в нем есть слова с ясной внутренней формой, которые вписываются в выделенные А. В. Гурой модели или дополняют их. Незваные гости характеризуются как случайный сброд (влг., костр. *набрόд*), как праздные ротозеи (костр. *глазничі, глядέльщики*, влг. *пучеглазники*, влг., костр. *смотрельщики*), как дармоеды (влг., костр. *захребетники*), как нарушители порядка, хулиганы¹, ведущие себя навязчиво и назойливо (костр. *бесчинники*, ср. *бесчинничать* влад. ‘нарушать приличие, порядок; безобразничать’, нижегор.

‘безобразничать, озорничать’ [4: 1: 122], [19: 2: 283], костр. *модёны*, ср. новг. *модеть* ‘быть навязчивым, назойливым; докучать какой-либо просьбой, домогаться чего-либо’ [19: 18: 197]). Незваное гостевание имеет свой хронотоп. Темпоральные характеристики описывают либо время появления таких участников свадьбы, либо время их угощения – после званых гостей²: влг., костр. *посляна*, ср. также костр. *посляна* ‘свадебные гости, опоздавшие к началу свадьбы’ [19: 30: 184]. Локативные маркеры четко определяют место этих персонажей, ср. костр. сочетание *кутные гости*, говорящее о тех, кто находится в *кутном углу* (у двери), – в противоположность *сутным (суточным) гостям*, сидящим в *сутном* (переднем) углу:

Сутных гостей сажают по лавке в сутки, они хороши. А кутные гости худыё, те в прихожей (Пав, Березовка). Кутные гости не званы – в куте, придут незваные и стоят, а пришла бы ты к матке с женихом – в сутки посадят, суточные гости (Окт, Даровая).

Следует отдельно остановиться на словах, требующих особого этнолингвистического или этимологического комментария. Эти слова не комментировались в литературе – или же мы предлагаем для них новую интерпретацию.

Чикали. Слово *чикали* отмечено ТЭ УрФУ на севере Тотемского района Вологодской области:

Чикали придут, выпить попрошайничают (Филинская), Чикалей по юно набежало, стоят глядят (Антушева Гора), Чикалей-то, скажут, насобиралось! Гостей зовут, а чикали сами придут (Вершининская), Чикали в угю избы стучали, штёб им поднесли выпить-то (Вершининская), Чикали-те ломят в сутний угол, штёб им вынесли вина и жорева какого (Середская).

В других лексикографических источниках слово отсутствует; единственная фиксация имеется в [14]; она сделана в Верховажском районе Вологодской области, который примыкает к Тотемскому как раз с севера: *чикаль* ‘незваный гость’: «Чикалёв-то не любили: кому они нужны!» [14: 12: 43].

По нашему предположению, лексема *чикали* образована от глагола **чыйкать**, который возводится к гнезду праслав. экспрессивных глаголов **čikati / *čyknoti*, имеющих звукоподражательное происхождение [23: 4: 110–111, 141]. У глагола *чыйкать* (реже *чикать*) широкий круг значений, но для нас важнее всего значение **‘производить стук ударами, стучать’** (арх., влг., карел., костр., прикам.) [5], [7], [11: 3: 360], [14: 12: 43], [16: 6: 790], [20: 384]; ср. также близкие формы и значения – *чыйкнуть* прикам. ‘шлепнуть, ударить’ [11: 3: 360], арх., влг. ‘толкнуть’, ‘бросить’ [5], *чыйкать* печор. ‘хлестать, бить’ [17: 2: 423], влг. ‘кидать’, ‘пинать, подбрасывать ногой’, ‘ломать, разламывать’ [5], алт. ‘наносить удары чем-либо острым’ [18: 5: 292], влг. *чёкать* ‘ударять толчком, тычком, пинать’ [16: 6: 766], арх. *чикануть* ‘ударить’ [5] и т. п.

Каково **семантическое обоснование** этого решения? Как указано в контекстах к слову *чикали*,

одно из заметных действий, которые они совершали, – стук (обычно в угол дома), означающий требование вынести им выпивку: «Чикали в угой избы стучали...», «Чикали-те ломят в сутний угол...». Подобные действия обрисовываются и в контекстах к другим обозначениям незваных гостей на свадьбе:

влг. Смотрельщики как заколотят, как застучат, – им и выносят пива-то (В-Уст, Кузино), костр. Сычи колотят по столу, в углы бьют, выпивки просят (Окт, Даровая).

Отсюда следует, что *чикали* – те, кто *чикают* (стучат), требуя спиртного. Возможен и другой мотивационный поворот. Незваные гости, как говорилось выше, хулиганили (особенно если им не давали выпивки), ср. контексты к слову *сычи* ‘незваные гости на свадьбе’ (о котором ниже):

костр. Были всегда сычи. Если не подадут им, так они печку ломают (Вох, Кекур), Сычам-то в первую очередь выпить дают. Не напой – разберут печку по кирпичикам. Нельзя прогонять (Вох, Вохма), Набежат сычи – и печь спёхнут, своротят печку (Пав, Медведица). Сычи были – печки ломали раньше. Придут и своротят взыметут, трубу ли чё ли. Бывало, это они не нарочно, бывало так, что много их тут. Так жмутся – кирпич-два уронят (Окт, Клюкино) и др.

Таким образом, можно предполагать, что слово *чикали* мотивировано деструктивной семантикой глагола *чикать* (‘ломать’, ‘разбивать’ и т. п.). Наконец, есть еще одна мотивационная возможность. У глагола *чикать* есть значение ‘выпивать, пить спиртное’: «Ну, как они чикали: как утром вставают, так и чикали» [16: 6: 790]. Это значение – результат закономерного метафорического развития на основе ‘хлопнуть’, ‘стукнуть’, ср. простореч. *хлопнуть* (жахнуть) *стаканчик* ‘выпить спиртное’.

Из трех предложенных версий хочется предпочесть первую (поскольку в контекстах именно к этому слову упоминается стук, а соответствующее значение глагола *чикать* фиксируется в вологодских говорах). Однако две другие возможности могут выступать не как альтернативные, а как комплементарные.

Сухонцы. Это слово отмечено сотрудниками ТЭ УрФУ на крайнем востоке Костромской области, ср. *сухонцы* ‘незваные гости на свадьбе’: «Сухонцеў сколь набежало» (Окт, Луптюг). Луптюг находится на границе с Кировской областью, а именно там это слово фиксируется более устойчиво (как раз в западных районах, частично соседствующих с Костромой, – Шабалинском, Лузском, Подосиновском), ср. вят. лузск., шабал., подосин. *сухонец* (жен. *сухонка*) ‘тот, кто присутствует на свадьбе в качестве зрителя’: «Передай яндову сухончам, пусть попробуют нашего пива», «Вчера мы тоже ходили на свадьбу только сухончами», «Сухончев-то на свадбе много было» [10: 10: 263]. В других словарях слово не отмечено, но при этом засвидетельствовано в исследованиях фольклористов, работавших на Вятке, ср.:

подосин. Попросили меня как за дружку. <...> Вот я с подносом выхожу и начинаю: «Господи Иисусе Христе, сыне боже нас, помилуй нас». И вот я только это прочитал, а бабы тут стоят, приготовились эти, в сухонцах, как грянут эту песню «Не зелено вино разливается...» [30: 54], лузск. *Сухонца* приходили посмотреть, соседи. Они в дверях стояли [13: 59].

Это слово упоминается и в исследовании Т. Н. Бунчук (записи из Лузского и Подосиновского районов Кировской области) [27: 62]. Для него предлагается интерпретация, связывающая его с названием вологодской реки Сухоны, протекающей к западу от Лузского и Подосиновского районов.

Соответственно, *сухонцы* – это люди, пришедшие с берегов реки Сухоны, т. е. люди издалека. Хотя, конечно же, неприглашенные гости – это односельчане, вряд ли кто-то ездил из дальних мест, чтобы посмотреть на свадьбу. Однако косвенное указание на удаленность мест опосредованно передает идею ‘чужести, другой стороны’, так как, по народным представлениям, ‘далеко, за рекой’ связывается с представлениями о местонахождении ‘того’ света. Тогда и сухонцы – это люди из-за границы того света [27: 62].

Указанная модель существует, для ее подтверждения можно привлечь как обозначения незваных гостей, так и свадебных чинов, ср. чит. *ивед* ‘непрошеный гость’: «Ребят в армию провожали, и два шведа пришло» [18: 5: 331], рус. пск., *мазуры* ‘о сватах’: «Из-за гары-гары едут мазуры <песня>», укр. черниг. «Прыехала літва <о сватах>, будзе у нас бітва» [26: 152].

Таким образом, предложенное решение имеет право на существование, однако смущают два обстоятельства: во-первых, Сухона – не столь актуальная большая река для жителей Кировской области (и костромского Луптюга), скорее, они выбрали бы Ветлугу; во-вторых, в обозначении жителей бассейна Сухоны ударение падает на первый слог, в то время как в названии незваных гостей – на второй³. Это побуждает, не отрицая возможности данного решения, предложить другое. Вероятно, слово имеет корень *сух-*. В плане словообразования ср. хабар. *сухонки* ‘печенье в виде полых внутри калачей’ [19: 43: 19], костр. *сухонкой* (есть) ‘есть всухомятку’ [7]. Что касается семантики, то слова с корнем *сух-* используются для выражения представлений об обманутых ожиданиях, неудаче, безрезультатности, опустошенности, неполноценности и пр., ср. арх., влг., ср.-урал. *сухáру вывезти* (*привезти*) ‘получить отказ при сватовстве’, печор. *нести сухышá* ‘прийти с утиной охоты без добычи’, арх. *сухáрь* ‘рыбак, вернувшийся с лова без рыбы’, отошёл, как отсуха ‘ни с чем или с носом’, курск. *насухо* ‘не давая вознаграждения, без подарков и угощения’, влг. *сухарём* ‘порожняком, без груза и пассажиров, без ноши’, литер. *всухую* ‘с сухим счетом, не получив ни одного очка (в игре); проиграв’ и др. [24: 267, 276]. Эти смыслы входят в ассоциативное поле обозначений незваных гостей, поскольку они не получают полноценного угощения – и даже спиртное (пиво) им нередко

дается некачественное (см. об этом в [33: 66], [34: 466], где приводятся контексты типа костр. «Сычам последнее пиво доставалось, нечистое уже, дружг-от»).

Сычи, сорокачи, галки. Слово *сыч* ‘незваные гости на свадьбе’ (реже ед. *сыч*) отмечено ТЭ УрФУ на востоке Вологодской области (Бабушкинский, Великоустюгский, Кичменгско-Городецкий, Никольский районы) и на востоке Костромской (Вохомский, Октябрьский, Павинский районы):

Сычи-то бегают, хотят взять со стола. Их не звали, они неприглашённые (В-Уст, Кузьминская Выставка). За матицу не выходили сычи-то. Установятся, тута смотрят, подолгу стоят, чтобы им пивца подали, винца (Вох, Тихон). Сычи пришли. Их угостят – и они должны вовремя уйти. Раньше брали полотенце, через стол кидали им: «А вы, сычи, бесстыжие глазичи, утирайтесь и домой убирайтесь» (Окт, Соловецкое). А вот приходили на свадьбу смотрели, как нынче говорят, наброд ходят, – сычи звали. Незваные гости пришли посмотреть, как свадьба идёт, молодых посмотреть. Сычи-ти вперёд гостей, им пить подают, вперёд гостей заплясали да песни запели. Сычи, большие глаза. Уташить чего норовят (Пав, Старое Коточижное) и др.

Фиксируются также производные глагольные формы: влг. *сычить*, *сычевать* ‘угощаться на свадьбе (о незваном госте)’:

Сычевать на свадьбу пойдём – глаза нахлещут, до стола доберутся (Бабуш, Демьянцево). Сычить на сварьду пришли, чтоб подали вина (Бабуш, Овсянниково); влг. *насычиться* ‘угоститься вдоволь, побывав на свадьбе (о незваном госте)’: Насычийся – сычом пришёу дак, подали ему (Бабуш, Овсянниково)⁴.

Слово *сыч* входит в активный лексический запас диалектносителей; наши картотеки насчитывают десятки фиксаций. Что касается словарей, то слово отмечено в [19] и в словаре Н. С. Ганцовской, но «пунктиром»: влг., костр. вох. *сыч* ‘незваные гости на свадьбе’, влг. *прийти куда-л. сычом* ‘прийти куда-л. незваным’, костр. вох. *сыч* ‘о детях и взрослых, собирающихся «в куты» (в доме, избе) во время сватовства или свадьбы’ [19: 43: 180], костр. солигалич., чухл. *сыч* ‘неприглашенные гости на свадьбе, зеваки’: «В сычи много народа пришло», «Сычи по окнам всегда заглядывают» [2: 375]. В близком значении слово есть и в [14]: влг. кич.-гор. *бегать сычами* ‘бежать обособленно, особняком, в стороне от других’: «Мы ребятишками-то всегда за свадебным поездом сычами бегали» [14: 10: 179]. Данные словарей расширяют ареал, который задан в записях ТЭ УрФУ, но незначительно (добавляются Солигаличский и Чухломской районы Костромской области). Как следует из записей, обобщенных в [19], слово фиксируется не только современными собирателями, но и отмечалось в Вологодской губернии более 100 лет назад (в 1901 году) [19: 43: 180].

В смысле мотивации слово не вызывает проблем. В говорах (в том числе вологодских и костромских) *сыч* имеет не только общенародную

семантику, но и обозначает сову, филина и некоторых других хищных птиц [2: 375], [10: 10: 278], [19: 43: 180] и др. В языковом «портрете» этих птиц (особенно сыча и совы) выделены глаза и взгляд (напряженный, немигающий), что отражено, в частности, в идиомах типа литер. *глядеть / хлопать глазами / уставиться как сыч* ‘о том, кто смотрит недовольно, сердито’, *недовольный (надутый) как сырь, наступиться как сырь, взгляд как у сыча, глаза как у сыча* ‘о чьих-либо круглых, враждебных, немигающих глазах’, *совиные глаза* ‘круглые, большие глаза’ и др. Незваные гости глядят на свадебное действие (ср. такие их обозначения, как *глядельщики*, влг. *пучеглазники*, влг., костр. *смотрельщики*, которые приводились выше), что подчеркивается и в контекстах к слову *сычи* (см. выше: «А вы, сычи, бесстыжие глазичи, утирайтесь и домой убирайтесь», «Установятся <сычи>, тута смотрят, подолгу стоят <...>» и др.). Поэтому в основу семантического переноса явно положен признак «глазения».

В создании образа могут участвовать и другие признаки; думается, образ в данном случае учитывает их комплекс. Птице сычу приписывается стремление к изоляции (литер. *житься (сидеть) сычом* ‘быть изолированным от общества’) – и подобный признак может считаться мотивирующим, поскольку свадебные *сычи* отделены от других гостей. Сычи выглядят недовольными, обиженными (томск. *выглядывать (высматривать) как сырь* ‘об угрюмо, неприветливо глядящем человеке’, простореч. *вид как у сычихи* ‘о неприветливом, угрюмом, враждебном или обиженном виде какой-л. женщины’ [9: 671–672]), а недовольство, конечно, присуще и незваным гостям, которые не получают «настоящего» угощения. Кроме того, поведение сыча может восприниматься как беспокойное и «хулиганское» (пск., твер. *сыч* ‘нахал, наглец’ [19: 43: 180], иркут. *вертеться, как сырь на колу* ‘суетливом, беспокойном, непоседливом человеке’, сиб. *как сырь на колу* ‘о неспокойном, непоседливом человеке’ [9: 671–672]), что, несомненно, характеризует и незваных гостей на свадьбе. Вообще сырь, как и другие ночные птицы, имеет в славянских лингвокультурных традициях преимущественно негативную символику (воспринимается как зловещая, демоническая птица, см. [28: 568–570]), и это не может не влиять на выбор образа для обозначения незваного гостя, который воспринимается как антагонист по отношению к хозяевам (ср., кстати, поверье *сыч хозяина выживает* ‘говорится о птице, когда она кричит, сидя на доме’ [6: 31]). Итак, образ сырь в применении к свадебному обряду получает многостороннюю мотивацию.

Показательно, что эта метафора поддерживается другими «птичьими» обозначениями незваных гостей, зафиксированными в той же вологодско-костромской зоне. Первое из них – влг. в.-уст. *сорокачи*: «У тебя гости сидят, а к дверям набежат, вот и сырь, сорокачи ли. Им потом конфет

набросают» (Черная). Из словарных источников это слово фиксируется в [10], причем отмечено оно в западных районах Кировской области – Даровском и Лузском (граница с Великоустюгским): *сорокачи* ‘незваные гости на свадьбе’: «Приходят и сорокачи на свадьбу», «Пойдём сорокачами пирушку глядить» [10: 10: 171]. Приводится и единично засвидетельствованный вариант *соркачай* («Полна изба соркачай») – результат мутации или ошибки при записи [10: 10: 171]. *Сорокач*, скорее всего, вторичен по отношению к *сычу*, на что указывает рифма (*сычи – сорокачи*) и великоустюгский контекст «вот и сычи, сорокачи ли» (хотя в вятских записях *сорокачи* выглядят «независимыми»). Замена сыча на сороку несколько модифицирует мотивационную базу образа: основной признак сороки – стрекот, переосмыслимый как шумная болтовня, ср. новг. *сороковать* ‘собравшись вместе, толковать, разговаривать’ [19: 40: 24], новг., орл., тул. *сорочить* ‘болтать, пустословить; сплетничать’ [19: 34] и т. п. Кроме того, сороки появляются нередко «компанией», как и незваные гости, – ср. простореч. *сорочья ярмарка* ‘о группе болтающих женщин’. Сороки вороваты (простореч. *красть* (воровать, тянуть, тащить), как сорока ‘о чьем-либо частом (и обычно мелком) воровстве, вороватости’), а в таком поведении иногда обвиняют незваных гостей (см. выше в контексте – «утащить чего норовят»).

Наконец, для обозначения незваных гостей на свадьбе может быть использован образ галки. Соответствующие лексические единицы записаны в Шарьинском районе Костромской области, ср. *гálки, галчáта* ‘незваные гости на свадьбе’: «Галки и галчата: ой, уж сколько галчат нашло, будём их из этой банки поить» (Поляшово). Как и сороки (а также вороны), галки «галдят», собираются в стаи, вороваты, ср. алт. *галдеть как галки* ‘об одновременно и громко говорящих людях’, шадр. как *галок насело* ‘о множестве кого-л. (например, старух, рассевшихся на лавочках)’ [9: 129] и др.

Таким образом, привлечение птичьих образов для обозначения незваных гостей на свадьбе основано целым рядом поведенческих признаков. Эти признаки лежат на поверхности – и не стоило бы особо о них говорить, если бы за ними не просматривался **мотивационный пласт другого уровня**. Названные образы включаются в ряд других птичьих образов, которыми насыщен символический язык свадьбы, а также матриомицальной и эротической сферы. Как отмечает С. М. Толстая,

в славянской свадебной терминологии широко представлена «птичья» (особенно «куриная») лексика – в основном в номинациях, связанных с невестой: головной убор невесты носит название *кокошник* (от *кокошка* ‘курица’), *сорока*; свадебный хлеб у русских называется *курник* (реже *утка, гуска, голубка* и т. п.); птичьи названия получают украшения свадебного каравая (*птички*,

голубки и др.) и т. д. <...> Присутствие птичьего кода в традиционном свадебном обряде и его терминологии непосредственно связано с птичей символикой и номинацией в славянских языках мужских и женских демородных органов (*курица, птуха, патка, галка; петух, соловей* и т. п.) [36: 17].

Многочисленные примеры, расширяющие указанные ряды и представляющие новые, даны в [29: по предметно-тематическому указателю – «голубь», «гусь», «кукушка», «курица», «ласточка», «лебедь», «орел», «птицы», «перепелка», «петух», «сова», «сокол», «соловей», «сорока», «тетерка», «утка»], [25: 279–281], [37], [38] и др. Однако эта тема еще далека от закрытия, о чем говорит обнаружение новых лексических и этнографических фактов (ср., к примеру, влг. *кóришуны* ‘хлеб, который пекли на свадьбу’ [15: 6: 67], ср.-урал. *глухáрь* ‘ тот, кто сопровождает приданое’ [1: 2: 127]), а также относительно маргинальных образов, которые получают особое звучание в общем контексте (таковой является, например, обратимая метафора «зять ↔ дядя» [25: 280]).

Свадебные *сычи, сороки и галки* тоже должны рассматриваться как новые реализации птичьей темы, являющейся одной из доминант свадебно-матrimonиальной символики. Это позволяет говорить о глубинной связи между описанными севернорусскими лексическими фактами и, казалось бы, не связанными с ними фольклорно-этнографическими свидетельствами, записанными в иных зонах славянского мира. Показателен, к примеру, один из обычаем полесского свадебного ряжения:

Посторонние развлекали присутствующих на свадьбе и в качестве ряженых. В Полесье переодетая стариком старуха и женщины изображали сову и совенят и занимали места за столом, откуда их выгоняли, поднося водку и подпаливая сове бороду [29: 208–209].

Интересна и малопольская легенда о сове: на свадьбе в Канне Галилейской присутствовали все птицы. Сова прилетела позже всех (ср. поздний приход *сычей*), и ей достались обедки со всех столов (затем сова опозорилась, пустившись в пляс с коршуном) [28: 578–579]. Окраска образов, фигурирующих в этих примерах, и связанные с ними мотивы соотносятся с теми деталями «портрета» сычей, которые описывались выше (негативная тональность, мотив опоздания совы = позднего прихода сычей, кормление неполноценной пищей).

Таким образом, реконструируется небезынтересная картина, показывающая существование разных по глубине уровней мотивации у вполне «читаемых» языковых фактов.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор благодарит Т. Н. Бунчук, Ю. А. Крашенинникову и В. С. Кучко за помощь в сборе и осмысливании материала для статьи.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Незваные гости иногда хулиганили – например, похищали кушанья со свадебного стола [29: 203].
² Как указывает А. В. Гура, для посторонних могли устраивать специальное угождение в конце свадьбы [29: 203].
³ При этом в фольклорных источниках ударение не проставлено.
⁴ Возможно, здесь имеет место контаминация с *насытиться*.

СОКРАЩЕНИЯ В НАЗВАНИЯХ РАЙОНОВ

Бабуш – Бабушкинский район Вологодской области
 В-Уст. в.-уст. – Великоустюгский район Вологодской области
 Вок, воех. – Вожомский район Костромской области
 гряз. – Грязовецкий район Вологодской области
 даров. – Даровской район Кировской области
 кич.-гор. – Кичменгско-Городецкий район Вологодской области
 лузск. – Лузский район Кировской области
 Окт, окт. – Октябрьский район Костромской области
 Пав. – Павинский район Костромской области
 подосин. – Подосиновский район Кировской области
 слобод. – Слободской район Кировской области
 солигалич. – Солигаличский район Костромской области
 чухл. – Чухломский район Костромской области
 шабал. – Шабалинский район Кировской области
 Шар, шар. – Шарьинский район Костромской области

СЛОВАРИ

1. Востриков О. В. Опыт этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области. Екатеринбург, 2000. Вып. I–V; Липина В. В. Опыт этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области. Екатеринбург, 2004–. Вып. VI/1–.
2. Ганцовская Н. С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова; М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. 512 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1880–1882 (1889). Т. 1–4.
4. Диалектный словарь Нижегородской области / Отв. ред. Е. А. Колтунова. Нижний Новгород: Изд-во Нижегор. ун-та, 2013–. Вып. 1–.
5. Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
6. Козлова Т. В. Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных. М.: Изд-во «Дело и Сервис», 2001. 207 с.
7. Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
8. Михайлов Л. П. Словарь экstenциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск: Изд-во КГПА; М.: ООО «Вариант», 2013. 350 с.
9. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 800 с.
10. Областной словарь вятских говоров / Под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров: Коннектика: Изд-во ВятГГУ: Радуга-ПРЕСС, 1996–2018. Вып. 1–12.
11. Подюков И. А., Поздеева С. М., Свалова Е. Н., Хоробрых С. В., Черных А. В. Словарь русских говоров Южного Прикамья / Под ред. И. А. Подюкова. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010–2012. Вып. 1–3.
12. Подюков И. А., Хоробрых С. В., Антипов Д. А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Пермь: Пермское книжное изд-во, 2004. 360 с.
13. Семейные обряды Вятского края / Под ред. А. А. Ивановой. М.; Котельнич: Изд-во МГУ, 2003. 320 с.
14. Словарь вологодских говоров / Под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: Изд-во ВГПУ «Русь», 1983–2007. Вып. 1–12.
15. Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.
16. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005. Т. 1–6.
17. Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. Л. А. Ивашко. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003–2005. Т. 1–2.
18. Словарь русских говоров Сибири / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1999–2006. Т. 1–5.
19. Словарь русских народных говоров / Отв. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л./СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.
20. Устьянский народный словарь / Под ред. А. А. Истомина и др. Октябрьский; Вельск: Устьянский краеведческий музей: Вельти, 2013. 496 с.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964–1973. Т. 1–4.
22. Чухломской фольклор: В 2 т. Т. 1. Фольклорно-этнографические материалы / Под ред. А. В. Кулагиной, В. А. Ковпика. М.: Гос. респ. центр русского фольклора, 2012. 440 с.
23. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

24. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с.
25. Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. 488 с.
26. Березович Е. Л., Кучко В. С. Еще раз об этимологии рус. *мазурик* ‘мошенник’ (в свете культурно-языкового образа мазура в славянских традициях) // Slovène. 2017. № 1. С. 413–448.

27. Бунчук Т. Н. Концептуальная семантика лексической группы в контексте народной культуры // В. И. Даль и русская региональная лексикология и лексикография: Материалы всерос. науч. конф., посвященной 200-летию со дня рождения В. И. Даля. Ярославль, 2001. С. 60–63.
28. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
29. Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М.: Индрик, 2012. 936 с.
30. Золотова Т. А., Крашенинникова Ю. А., Поздеев В. А. Семантические и поэтические уровни значений реалий и номинаций в народном сознании (на вятском этно-фольклорном материале). Киров: Радуга-Пресс, 2017. 146 с.
31. Леонтьева Т. В. Модели и сферыreprезентации социально-регулятивной семантики в русской языковой традиции: Дис. ... д-ра филол. н. / Урал. федеральный ун-т. Екатеринбург, 2015. 427 с.
32. Невская Л. Г. Концепт гость в контексте переходных обрядов // Из работ московского семиотического круга. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 442–452.
33. Оsipova K. V. Лексика пивоварения на Русском Севере: этнолингвистический аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 48. С. 57–73.
34. Оsipova K. V. Традиции употребления пива на Русском Севере: этнолингвистический аспект // Славянский альманах. 2017. № 3–4. С. 463–478.
35. Седакова И. А. Приглашать // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 265–269.
36. Толстая С. М. Образ мира в тексте и ритуале. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. 528 с.
37. Зайковска Т. Невеста-птица. 1. Перелет в иной мир // Кодови словенских култура. Бр. 3. Свадба. Београд, 1998. С. 42–58.
38. Зайковский В. Невеста-птица. 2. Communio-coitus // Кодови словенских култура. Бр. 3. Свадба. Београд, 1998. С. 59–79.

Berezovich E. L., Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation)

NORTHERN RUSSIAN WEDDING VOCABULARY: ETYMOLOGICAL AND ETHNOLINGUISTIC NOTES*

The article considers some lexical units of northern Russian wedding ceremonies, recorded by Ural University Toponymic Expedition to the Vologda and Kostroma regions – i. e. Kostroma word *tozminy*, used as the name of one of the wedding feasts (and figuratively meaning social gatherings with feasts during other family ceremonies), as well as Vologda words *chikali* and *sorokachi*, Vologda and Kostroma word *sychi*, and Kostroma words *sukhontsy*, *galki* and *galchata*, used as the names of uninvited guests who appeared at the wedding feast on their own will, without an invitation from the hosts. In the article these words are put in the broad context of dialect wedding vocabulary, vocabulary of folk celebrations and visitations, as well as non-verbal components of traditional wedding and hospitality culture. Based on these data and taking into account linguistic and phonetic characteristics, the author offers etymological interpretations for “dark” words or corrects solutions previously offered in academic literature. Presented linguistic commentary deepens the reading of the entire wedding ceremony “text”: clarifying the internal form of the analyzed words restores the original role-playing frames, within which uninvited, but still expected guests are allowed to behave; as well as reconstructs the connections of certain northern Russian lexemes with symbolic wedding codes, thoroughly elaborated in the Slavic folk culture.

Key words: northern Russian dialects, wedding, wedding vocabulary, semantic reconstruction, etymology, ethnolinguistics

ACKNOWLEDGMENTS

The author thanks T. N. Bunchuk, Y. A. Krasheninnikova and V. S. Kuchko for their assistance in collecting and interpreting the materials for the article.

* The study is supported by the Russian Science Foundation grant ‘North-Russian Vocabulary and Toponymy through Language Contacts and Genetic Ties’ (project No 17-18-01351).

REFERENCES

24. Berezovich E. L. Language and traditional culture: ethnolinguistic studies. Moscow, 2007. 600 p. (In Russ.)
25. Berezovich E. L. Russian vocabulary against general Slavic background: semantic and motivational reconstruction. Moscow, 2014. 488 p. (In Russ.)
26. Berezovich E. L., Kuchko V. S. Revisiting etymology of Russian word *mazurik* (“rascal”) in the light of cultural and linguistic image of the Mazurs in Slavic traditions. *Slovéne*. 2017. No 1. P. 413–448. (In Russ.)
27. Bunchuk T. N. Conceptual semantics of a lexical group in the context of folk culture. *V. I. Dal'i russkaya regional'naya leksikologiya i leksikografiya: Materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 200-letiyu so dnya rozhdeniya V. I. Dalja*. Yaroslavl, 2001. P. 60–63. (In Russ.)
28. Gura A. V. Symbolism of animals in Slavic folk tradition. Moscow, 1997. 912 p. (In Russ.)
29. Gura A. V. Marriage and wedding in Slavic folk culture: semantics and symbolism. Moscow, 2012. 936 p. (In Russ.)
30. Zolotova T. A., Krasheninnikova Y. A., Pоздеев В. А. Semantic and poetic levels of the meanings of realities and nominations in national consciousness (using Vyatka ethnic and folklore materials). Киров, 2017. 146 p. (In Russ.)
31. Leontyeva T. V. Models and spheres of socio-regulatory semantics representation in the Russian language tradition. Diss. ... Doct. Sci. (Philology). Ekaterinburg, 2015. 427 p. (In Russ.)
32. Nevskaya L. G. The concept of “guest” in the context of transitional rites. *Iz rabot moskovskogo semioticheskogo kruga*. Moscow, 1997. P. 442–452. (In Russ.)
33. Osipova K. V. Brewing vocabulary in the Russian North: ethnolinguistic aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2017. No 48. P. 57–73. (In Russ.)
34. Osipova K. V. Traditions of drinking beer in the Russian North: ethnolinguistic aspect. *Slavyanskiy al'manakh*. 2017. No 3–4. P. 463–478. (In Russ.)
35. Sedakova I. A. Invite. *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary*. Vol. 4. Moscow, 2009. P. 265–269. (In Russ.)
36. Tolstaya S. M. Image of the world in text and ritual. Moscow, 2015. 528 p. (In Russ.)
37. Зайковска Т. Невеста-птица. 1. Перелет в иной мир. *Кодови словенских култура*. Бр. 3. Свадба. Београд, 1998. С. 42–58.
38. Зайковский В. Невеста-птица. 2. Communio-coitus. *Кодови словенских култура*. Бр. 3. Свадба. Београд, 1998. С. 59–79.